

Кошмар костра

Чертыхания художника Александра Токарева о забвениях

«РУКОПИСИ не горят». Чудесная метафора. Романтическая. Идеалистическая.

Зато холсты горят. Горят и исчезают.

На кладбище талантов

НА УЛИЦЕ Бурденко, в доме № 23, в Выставочном зале НИИ реставрации вот уже месяца два проходит выставка Михаила Ксенофонтовича Соколова. Кто знает об этом? Да никто. Кто помнит об этом художнике? Да почти никто.

Еще бы! Он умер аж в 1947 году... Был скромный и тих. Чертовски красив. Настоящий художник. Любил французов, постимпрессионистов. Был человеком высокой культуры. Был жертвой своего времени. Был нищ... Одни холсты записаны с двух сторон, другие — поверх посредственных портретов XVIII века (портрета Суворова, великого полководца). Чудеса нищенской истории нашей!

Работы одеты бедно. Им тесно в малюсеньких, уютных покоех коллежского асессора Палибина. Основная коллекция работ Соколова пылится в запасниках Ярославского художественного музея. Скромно жил. Репрессирован. Отсидел. Не стало.

Натюрморт: черный цилиндр и белые перчатки. Изысканные символы светской жизни, подернутые пылью воспоминаний, ничкемушности...

Я ненавижу забвения. Это топкое болото памяти, это глупое, хотя и необходимое, свойство человеческого разума. Без этой защитной функции сознания общество не может существовать. Нельзя помнить боль постоянно. Нельзя переживать и баюкать в себе маразмы, сквозь которые нас волокут.

Господина Баха подзабыли лет на двести. Это тоже защитная реакция? Глуповато, черт возьми! Современники, сыновья бедного милого Иоганна Себастьяна ну не то чтобы его в упор не видели, но и не очень-то замечали. Современники и сыновья — они, как правило, собой озабочены бывают. Снисходительны и больно высокомерны. А это и есть глупость. Не просто нечувственность, а именно глупость и дурь дурацкая.

На кладбище талантов, по которому мы шастаем каждый день, множество разных могил. Более свежих и менее. И множество злуполучных наследников, которые знают или не знают о ценности того, что хранится у них в закромах. Не ко времени написанные холсты, не ко двору. Музыкальные произведения, литературные...

Есть в Москве на улице Вавилова дом. Большой такой, с хорошими мастерскими разных художников, которым повезло —

они получали мастерские в этом доме, вытерпев многолетнюю очередь. Очередь не стоит на месте. Одни художники умирают, освобождая мастерские для ожидающих; другие, дождавшись этого «светлого» часа, освобождают помещение от ненужных холстов своего предшественника. И горят костерки во дворе дома, освобожденного от прошлого. Жутковатое зрелище.

Был такой замечательный художник Ладыженский. Он был вдов, одинок, работал до изнеможения; там же, в мастерской, и ночевал. Этакая нормальная замечательная творческая схема. Только одно его мучило: он не знал, что станет с его работами. Боялся, что они погибнут. Боялся костра. И тогда он решил уехать к старшей дочери в Израиль, который ему даром не нужен был. Он поехал спасать свои холсты.

На нашей славной таможне с него запросили за его же работы огромные деньги, которых у не-

банальным штампом типа «загадочная улыбка Джоконды».

В алупкинском музее висит гениальная картина Куинджи «Христос в Гефсиманском саду». Может быть, это самая глубокая и точная по драматической интонации из работ мастера. И, безусловно, лучшая из всего, что было написано на эту тему. А тема была одна из самых популярных в конце прошлого — начале этого века. В ней — основная мысль эпохи, которую гораздо позже Ж. П. Сартр определил как «проблему выбора», а Куинджи изобразил как одиночество предстояния перед вечностью. Освещенная ярким лунным светом одинокая фигура Христа белой свечой горит на фоне торжественных вертикалей мрачно-трагических кипарисов, под которыми, едва заметные в ночи собственного ничтожества, прячутся остальные персонажи.

Этот шедевр, под плохо помытым стеклом, висит прямо напротив окна, нетронутый ру-

ют плести интриги лучше, чем рисовать.

Другой заказ, которому он очень радовался, предложил ему в Париже епископ Зарубежной армянской церкви Манукян — написать для алтаря армянского храма Распятия. Грачик его спросил: «Как ты хочешь, чтобы я его написал — традиционно или современно?» Старик-епископ ответил: «Можно и современно». «Хорошо», — сказал Грачик, — тогда давай я нарисую тебе здесь огромный вопросительный знак, а?» «Нет, я боюсь, это будет слишком современно», — ответил епископ. У него тоже с юмором было все в порядке.

Грачик написал 7 вариантов Распятия, каждый по-своему замечательный. Но самый лучший был последний. На нем распятый Христос смотрит на нас, как смотрят старики на шалости детей — с любовью, снисхождением и страданием. Этот холст еще стоял на мольберте. Он успел закончить его и умереть рядом с ним.

Отец Грачика был профессиональным вором. Мать — акушерка, тащившая на печальных армянских плечиках всю большую семью и носившая по тюрьмам передачи беспутному мужу. Генетический парадокс: мальчик вырос трудолюбивейшим, честнейшим, художником-философом, сжигавшим себя на костре беззаветного служения искусству. Извините за высокопарную банальность, но не сдержаться никак...

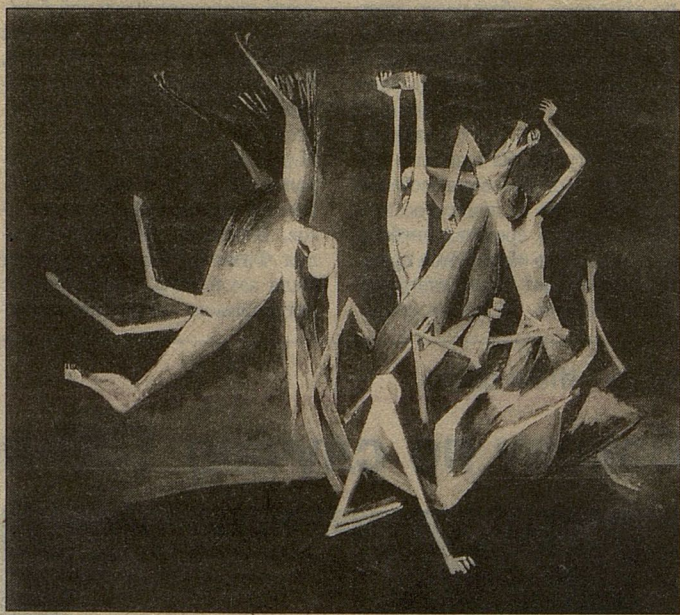
Он тоже порою был несдержан. Незадолго до смерти взял и набил морду Игетяну, стоящему на страже дверей армянского Олимпа. Надо же какая незадача вышла для армянского искусства. Искусствоведешка злопаметный оказался. И когда Грачик умер, он взял да и похоронил его... для армянской культуры... В той яме, что зовется забвением.

●●●

А НЕДАВНО у нас в столице чудесное событие случилось. Из далекой замечательной Японии г-н Кобаяси картину Сурикова привез — «Посещение царевны женского монастыря», которую его предок в 30-х годах купил у семейства Кончаловских, наследников, и о которой у нас и думать забыли. Очень мило с его стороны: привез, показал, наши культурные круги всполошились и возрадовались. Очень ручками развозили, всплескивали, всхлипывали и дивились: что это за чудо такое, диво дивное, из самой Японии, доподлинный Суриков, ах да ох.

Вот только картина больно посредственная, черт возьми!

Выслушала и записала
Екатерина ВОЛКОВА

Григорий Акопян. Фазтон. 1981 г.

го, естественно, не было. Но потом предложили: оставляешь часть холстов нам — цена «отступного» резко снижается. Вариантов не было. Согласился и уехал. Там было несколько выставок. Я думаю, он понял, что работы его не погибнут, не будут сожжены. И тогда... он покончил с собой.

Очень хочется знать, где находятся его работы, которые остались тогда на таможне. Уверен, что не в Третьяковке.

Забытые шедевры. Их судьба более счастливая: они висят чаще всего в провинциальных музеях, упрятанные за пеленой человеческой слепоты, безразличия. Мимо них протекают случайные посетители, промаркивают стада экскурсантов, ведомых пастушком-экскурсоводом. Жизнь такого шедевра скучна и бессмысленна. О нем не было создано легенды. Он не был награжден

кою реставратора, хотя ему давным-давно пора побывать в этих руках. Его практически никто не видит, о нем все забыли.

Искусством управляют искусствоведы

СЕМНАДЦАТЬ лет назад ушел из жизни замечательный, а может быть, и великий, армянский художник Григорий Акопян. Ушел в классическом возрасте, как гениям и положено, — в 47 лет. Удивительная личность, удивительная судьба.

За несколько лет до своего трагического конца он получил заказ на роспись для здания Армянской оперы. Он сделал замечательные эскизы и гениальные картоны, которые так и не удалось осуществить. Эти стены остались чисто выкрашенными масляной краской. Всегда находятся доброты, которые уме-